

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(470.6):316.346.3

К. Р. Амбарцумян

ДЕТСТВО В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬЯ И ТЕРЕКА)

В статье освещена проблема детства в среде сельских жителей Ставрополя и Терека второй половины XIX – начала XX вв. Отмечается зависимость между внутрисемейной иерархией и взаимоотношениями поколений. Проанализированы воспитательные практики и факторы их обусловив-

шие, среди которых важное значение имела сельская трудовая повседневность, которая влияла на сужение границ детства.

Ключевые слова: детство, границы детства, трудовая повседневность, история семьи.

K. R. Ambartsumyan

CHILDHOOD IN THE CONTEXT OF EVERYDAY FAMILY LIFE OF VILLAGERS IN THE SECOND HALF OF XIX - THE BEGINNING OF XX CENTURIES (ON STAVROPOL AND TEREK REGIONS SOURCES)

The author deals with the problem of villagers' childhood in Stavropol and Terek regions in the second half of XIX – the beginning of XX centuries. The correlation between interfamily hierarchy and generations' relationship has been found out by the author. Educational practices

and their factors are analyzed. Ambartsumyan has arrived at a conclusion that labor and rural way of life were the most important factors which limited the borders of childhood.

Key words: childhood, borders of childhood, labor everyday life, family history

Связь поколений в границах семейного микросоциума – один из главных элементов семейной повседневности. Жесткость внутрисемейной иерархии сельской семьи диктовала определенные поведенческие стратегии во взаимоотношениях родителей и детей. Большая сельская семья представляла собой уменьшенную копию общины. В ней воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом, общностью имущества и двора. Отношения членов семьи строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стре-

мился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела [3].

Специфика аграрного труда обуславливала форму и содержание межличностных отношений в семье, в том числе между родителями и детьми. Тяжелая трудовая повседневность формировала образ жизни и характер взаимоотношений всех членов семьи. Кроме того, на семейные отношения крестьян и казаков влияла «прозрачность» границ внутрисемейного пространства для всей общины. Немаловажным фактором были традиции и религиозные

нормы, давившие на сознание селян и требовавшие беспрекословного повиновения младших членов семьи старшим, особенно главе семьи.

Почитание Бога и старшего – вот, пожалуй, основное нравственное начало, прививаемое ребенку с детства. В мировоззрении сельского жителя были сильны религиозные христианские доминанты, поэтому дети, еще не умея говорить, уже умели креститься. С самого раннего возраста их приучали читать молитвы и регулярно посещать церковные богослужения [17, с.11]. На раннем этапе основы православного вероучения прививала мать, но, как правило, религиозное воспитание заключалось в привитии ребенку обрядовой стороны православия.

В воспитательных практиках и казаков, и крестьян превалировало трудовое начало. Дети в этом отношении не отделялись от мира взрослых, и с ранних лет принимали участие в хозяйственной жизни. Применительно к детской повседневности станицы Слепцовской Терской области П. Семенов называет возраст четыре года – именно в этот период ребенок начинал вовлекаться в трудовую повседневность [12, с. 203]. Половозрастное разделение труда обуславливало гендерную направленность воспитания. Это значит, что детям с раннего возраста, в среднем с семи лет, прививались навыки трудовых операций, выполняемых в соответствии с половой принадлежностью. Как и в городской семье, социализация ребенка определялась традиционными представлениями о месте мужчины и женщины в семье и обществе.

Если проиллюстрировать гендерную составляющую в формировании личности ребенка, то воспитательный процесс протекал приблизительно следующим образом: «...взрослый мужчина управляет плугом, семилеток сидит на ярме и погоняет быков...» [16, с. 115]. Пожалуй, этот возраст в сельской семье и был верхней границей детства, после которой ребенок постепенно инкорпорировался во взрослую часть внутрисемейного пространства. Как отмечают современ-

ники, образ жизни детей мало чем отличался от взрослых [4, с. 228]. Поэтапно они вовлекались в хозяйственную жизнь семьи, и по мере взросления происходил переход от простых к более сложным трудовым операциям. Существовавшее в семье половозрастное разделение труда воспитывало чувство личной ответственности, каждый член семьи в любом возрасте был обязан выполнять свой участок работы [12, с. 203].

Зыбкость границ между миром взрослых и детей объясняется не только тяготами трудовой повседневности, но и жилищными условиями сельских семей [12; с. 19]. Как правило, и у казаков, и у крестьян дома были небольшие: одна, реже две комнаты. Поэтому ребенок непроизвольно впитывал особенности взрослой жизни, которые зачастую были деструктивны для детской психики. С другой стороны, взрослые привыкали к постоянному присутствию детей, и практически не разграничивали поведение на допустимое при детях и возможное в их отсутствие. «В присутствии ребёнка взрослые говорят между собою, не стесняясь, таких речей, которые не могут послужить ребёнку пользой» [12, с. 203]. Подражая взрослым, дети перенимали вредные и даже пагубные привычки, например, употребление алкоголя [8, с. 15].

Пребывание в семье в роли ребенка, таким образом, было непродолжительным. В сельской семье в рассматриваемый нами период положение детей было аналогичным тому, о котором писал Ф. Арьес в контексте европейской истории: «старое традиционное общество плохо представляло себе ребенка и еще хуже подростка или юношу. Продолжительность детства была сведена к самому хрупкому его периоду, когда еще маленький человечек еще не может обходиться без посторонней помощи. Очень рано едва окрепнув физически, ребенок смешивался со взрослыми, разделяя с ними работу и игру» [1, с. 8].

Довольно распространенной практикой в крестьянской и в казачьей среде была отдача детей внаем. Мальчики, как правило, пасли скот, а девочек нанимали в качестве нянек. Не всегда для детей это имело благо-

приятные последствия. Их вынуждали много работать, могли плохо кормить и регулярно подвергать телесным наказаниям. В северокавказской прессе можно встретить сообщения о подобных случаях. В 1866 году пропал, отданный внаем пасти скот сын крестьянина с. Белой Глины [13]. А вот пример из казачьей среды. Казак станицы Воровсколесской отдал внаем свою младшую десятилетнюю дочь Ганну. По договоренности она должна была следить за детьми. Хозяин же заставил её пасти скот и полоть просо одновременно. Девочка упустила волов, и они повредили соседское поле. За этот проступок она была избита наемщиком, а когда вернулась домой, отец прогнал её обратно [9].

Сложности внутрисемейных коллизий напрямую влияли на судьбы детей. Такой тривиальный герой народных сказок, как злая мачеха, имел прообразы в реальной жизни. В одной из заметок газеты «Северный Кавказ» можно прочесть о десятилетнем мальчике из села Баранникова Медвеженского уезда, которого в степи едва не загрызли собаки. Нашедшим его чабанам он рассказал, что по настоянию второбрачной жены отца он был отдан внаем в одну из станиц Кубанской области. Работодатель отправил его на целое лето в степь пасти волов и практически не кормил, поэтому мальчик сбежал домой [9]. Автор этой заметки, красноречиво озаглавленной «Язвы деревни», подводя итоги, отметил распространенность подобных явлений в сельской действительности.

В равной степени, как и городское, так и сельское пространство иногда являло ужасающие картины обращения с детьми в некоторых семьях. Проблема домашнего насилия над детьми была актуальна для сельской местности. Вновь обратившись к периодике можно обнаружить порой жуткие эпизоды из частной жизни селян. В 1911 году за истязание мальчика Ваньки была осуждена на три месяца ареста его мачеха, крестьянка села Безопасного. Это была обыкновенная молодая крестьянка с «отпечатком изнеможности, забитости и слепой покорности судьбе» [11]. Автор заметки, Николай Сербский, в ней увидел не истязательницу, а женщи-

ну-рабу. Он сетовал по поводу частоты подобных случаев. В своем материале автор отразил особенность отношения современного ему социума к проблеме домашнего насилия над детьми: «Если есть общества покровительства животным, почему нет общества защиты детей. Наказавши бабу, ведь мы её ни чему не научили, не перекроили» [11]. По такому же поводу в свое время аналогично высказался и К. Бахутов [2].

Личная родительская власть некоторыми могла трактоваться совершенно извращенно, и иметь самые пагубные последствия для ребенка. В вышеописанной ситуации речь могла идти о сложностях крестьянского быта, о чрезмерности в воспитании женщиной не своего ребенка. Но зачастую в изучаемый период в семье случались инциденты, когда родители становились источником физического насилия, например, такое явление как кровосмешение было нередким в крестьянской среде [19]. Так житель села Кугульта растлевал всех своих несовершеннолетних дочерей, одна даже родила мертвого ребенка, которого похоронила её мать. Для девочек ужас длился около шести лет, пока их четырнадцатилетний брат не сдал отца в полицию [11].

Особая эмоциональность и глубина общения родителей и детей в рассматриваемый период были скорее исключением, чем правилом. Ежедневная занятость всей сельской семьи в разных отраслях домашнего хозяйства этому не способствовала. Кроме того, приоритетным полагалось физическое взращивание ребенка, духовное ограничивалось привитием религиозных ценностей. Забота о телесном благополучии детей тоже носила ограниченный характер. В силу занятости ни мать, ни отец не уделяли должного внимания даже несмышленным детям. Поэтому и без того высокая детская смертность от антисанитарии и отсутствия должного медицинского обслуживания росла за счет несчастных случаев.

В местной печати приходится встречать заметки о гибели маленьких детей из-за отсутствия присмотра. По описаниям современников, маршрут прогулок малень-

кого ребенка, который только недавно научился ходить, никак не контролировался родителями [4, с. 296]. Например, в 1867 году в яме на огороде утонула двухлетняя дочь крестьянина Сухой Буйволы Пятигорского уезда Тита Пиляева [15]. Годом ранее так же погибла дочь крестьянина села Новогеоргиевского Козлитина [14].

В начале XX века в провинциальной прессе стали публиковаться материалы, не просто информирующие о несчастном случае с ребенком, но и признающие отсутствие должного присмотра за детьми [10]. Сложности положения детей в сельской местности, частая детская смертность в деревне стали осознаваться как социальная проблема в масштабах региона. Все эти случаи не означают нелюбовь и полное отсутствие заботы о детях, скорее всего здесь уместно говорить о так называемом «любящем небрежении», которое было распространено в Древней Руси [7, с. 287] и было устойчиво в сельской семье в изучаемый нами период.

Частые случаи детской смертности объясняли относительное спокойствие родителей потерявших ребенка. Это внутрисемейное событие протекало непримечательно для окружающих. Приблизительно так, как описал П. А. Востриков: «...поплачет немного мать, затем сосед возьмет гробик под мышку, отнесет на кладбище, а на могилке поставят небольшой деревянный крестик, чтобы не забыть места могилки. Дома мать устроит небольшие поминки, куда приглашаются дети, и дело с концом» [4, с. 287].

Шокирующее нас чопорное, холодное восприятие детской смерти объясняется влиянием еще одного фактора – религиозного. Если бесплодие считалось большим несчастьем, и характерным было высказывание «Бог не дал» [6], то в отношении смерти ребенка была вполне применима фраза «Бог дал, Бог взял». Православие, поддерживавшее авторитет старшего, учившее покорности и смирению перед властью, прививало смирение и перед ударами судьбы.

В сельском социокультурном пространстве особняком располагались семьи местной интеллигенции, в которых общение

между родителями и детьми носило качественно иной характер. Отсутствие таких доминант, как большая патриархальная семья и тяжелый сельскохозяйственный труд, обуславливало особый тип детства. Ребенок был центром семьи, его благополучие – физическое и духовное – имело решающее значение для родителей, детям старались дать образование. К этой категории принадлежала семья священника села Летницкого Вячеслава Запорожцева. Воспоминания его дочери Марии, ученицы Ольгинской гимназии, отражают её восприятие собственного детства уже в зрелом возрасте [5]. Взаимная эмоциональная привязанность родителей и детей в подобных семьях несомненна. При этом она открыто демонстрировалась как детьми, так и родителями, в том числе и отцом. Поведенческие стратегии отца и дочери в отношении друг друга типичны для семей типа Запорожцевых.

Однако в семье брата Вячеслава Запорожцева, Ивана, тоже священника, женившегося на казачке Матрене, обнаруживаем совершенно иное отношение к ребенку: «Дети были частыми, но плохо ухоженными» [5]. Автор воспоминаний отмечает, что внешне семья была дружной, но по мере взросления дети тяготились жестким контролем и даже деспотизмом со стороны матери, поэтому стремились покинуть родительский дом [5], что в этот период было распространенным явлением в крестьянской и казачьей среде. Эпизод, посвященный семье Ивана и Матрены Запорожцевых, являет пример межкультурной коммуникации во внутрисемейном пространстве. Во взаимоотношениях поколений решающую роль здесь сыграли элементы культуры, носителем которых была женщина.

Таким образом, период детства в контексте повседневности сельской семьи был крайне непродолжительным, при этом граница между миром детей и взрослых была зыбкой. Содержание воспитательные практик как в казачьей, так и крестьянской семье было выработано под влиянием трудовой повседневности, которая способствовала существенному сужению границ детства.

Литература

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Екатеринбург, 1999.
2. Бахутов К. Медико-топографическое и санитарное состояние города Ставрополя // Ставропольский текст: описания, очерки, исследования. – Ставрополь, 2006.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX веков). – Тамбов, 2004.
4. Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Вып.33. – Тифлис, 1904.
5. Гимназистка. Воспоминания М.В. Сивовой-Запорожцевой. Рукопись. Н.Чеха.
6. Пивоварова Л.Н. Повседневная семейная жизнь крестьян российской провинции во второй половине XIX века (на материалах Курской губернии). Дис. на соискание учёной степени к-т ист. наук. Старый Оскол, 2006.
7. Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X – XVII вв) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М., 1996.
8. Рябых Н. Село Новогеоргиевское (Терновка) Ставропольской губернии и уезда // СМОМПК. Вып.23. – Тифлис, 1897.
9. Северный Кавказ. –1896. – №60.
10. Северокавказская газета. – 1910. – №88.
11. Северокавказский край. – 1911. – №53.
12. Семенов П. Станица Слепцовская Терской области Владикавказского округа // СМОМПК. Вып.5. – Тифлис, 1886.
13. Ставропольские губернские ведомости. –1866. –№35.
14. Ставропольские губернские ведомости. –1866. – №36.
15. Ставропольские губернские ведомости. –1867. – №21.
16. Терновский П. Село Чернолесское // СМОМПК. Вып.1. –Тифлис, 1881.
17. Урусов С.М. Станица Екатериноградская, Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Вып.33. – Тифлис, 1904.
18. Франгопуло К. Село Прасковья // СМОМПК. Вып.1. – Тифлис, 1881.
19. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГАРСОА) Ф.12. Оп.1. Д.162., Ф.113. Оп.1. Д.40.